

УДК 323.2:316.75(47+57)

Равочкин

Никита Николаевич,
кандидат философских
наук, доцент кафедры
гуманитарно-правовых
дисциплин Кемеровского
государственного
сельскохозяйственного
института,
Россия, 650056, г. Кемерово,
ул. Марковцева, 5.
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Щенников

Владимир Петрович,
доктор философских наук,
профессор, заведующий
кафедрой философии
Кемеровского государ-
ственного университета,
Россия, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
E-mail: ideologie@mail.ru

Кудашов

Вячеслав Иванович,
доктор философских наук,
профессор, заведующий
кафедрой философии
Сибирского федерального
университета,
Россия, 660041, г. Красноярск,
пр. Свободный, 79.
E-mail: kudashov24@inbox.ru

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
MODERN RUSSIAN SOCIETY STATE IDEA
MODERNIZATION**

Н.Н. Равочкин, В.П. Щенников, В.И. Кудашов
N.N. Ravochkin, V.P. Shchennikov, V.I. Kudashov

Кемеровский государственный сельскохозяйственный
институт, Россия

Кемеровский государственный университет, Россия

Сибирский федеральный университет, Россия

Kemerovo state agricultural institute, Russia

Kemerovo state university, Russia

Siberian federal university, Russia

E-mail: nickravochkin@mail.ru

Статья посвящена анализу состояния утвердившегося идеологического плюрализма в современном российском обществе.

Цель статьи – выделить, охарактеризовать и дать социально-философский анализ возможной модернизации государственной идеи. Авторы связывают это с необходимостью преодолеть последствия идеологического многообразия, главным образом – идеологическое безразличие населения. При написании статьи, сообразуясь с выбранной целью, авторы применили критический, ценностный и прагматический методы.

Представлена характеристика идеологии, определяемой авторами как организующее ядро, идеальная сеть, воздействующая на политическую, социально-экономическую, социально-культурную и духовную сферы общественной жизни, обладающая способностью устранять набор противоречий, фрагментирующих и разобщающих действительность, и образующая «карту социальной реальности».

Выявлены негативные тенденции отпавного периода (1993) официально провозглашенного идеологического многообразия. Определены два пути возможного будущего развития российского общества в текущей идеологической ситуации. Авторами систематизированы проблемы, детерминирующие идеологическое безразличие.

Основные результаты исследования заключаются в том, что модернизация российского общества невозможна без идеологической основы, разделяемой большинством населения, которую и призвана составить государственная идея. Процесс модернизации противоположен неопределенностям и труднопрогнозируемым вероятностям, что указывает на сопряженность модернизации и приемлемым для населения нашей страны ценностям, которые содержатся именно в идеологии.

Ключевые слова: идеология, идеологический плюрализм, государственная идея, модернизация, общество, идеологическое безразличие, идеологемы.

The article is devoted to the ideological pluralism state established in 1993 analysis in contemporary Russian society. The purpose of the article is to highlight, characterize and give a socio-philosophical analysis of the state idea possible modernization. The authors attribute this to the need to overcome the consequences of ideological diversity mainly the ideological indifference of the population. Writing articles consistent with the chosen goal, the authors applied critical, value and pragmatic methods.

This article describes the phenomenon of ideology defined by the authors as the organizing core, an ideal network that affects the political, socio-economic, socio-cultural and spiritual spheres of life and has the ability to eliminate a set of conflicting, fragmenting and disconnected actions forming a «map of social reality». Starting period (1993) negative tendencies of the officially proclaimed ideological diversity were revealed. Two ways of the possible future development of Russian society in the current ideological situation are identified. The authors systematize problems that determine ideological indifference.

The main results of the study are that modernization of Russian society is impossible without an ideological basis shared by the majority of the population which the state idea is called upon to make up. The modernization process is the opposite of uncertainties and difficult to forecast probabilities which points to the conjugation of modernization and values acceptable to the population of our country, which are contained in ideology.

Key words: *Ideology, ideological pluralism, state idea, modernization, society, ideological indifference, ideologems.*

В последнее время в социально-философских исследованиях одной из актуальных тем становится проблематика идеологии. Это выглядит вполне логичным, поскольку вопросы касаются любой крупной нации, ее духа, идейной жизнеспособности и дальнейшей и судьбы всегда актуальны, особенно в периоды социальных трансформаций. Вряд ли сегодня в заинтересованных кругах будет достигнуто единство по поводу сущности и необходимости идеологии в современном российском обществе. Но в Конституции от 1993 г. провозглашен идеологический плюрализм, который привел к деидеологизации российского общества.

Исходной посылкой нашего исследования является предположение, что успешная модернизация современного российского общества зависит от гармонично спроектированной идеологии с учетом специфики исторической ситуации сегодняшнего состояния общества и планирования будущего государства (как ведущее государство в условиях нового мирового порядка). Целью настоящей статьи является социально-философский анализ возможной модернизации государственной идеи в целях преодоления идеологического безразличия населения. Основу методологии исследования составили критический, ценностный и прагматический методы.

Негативное восприятие феномена идеологии как «ложного сознания», искажающее социальную реальность, надолго устоялось в сознании равно как политической элиты середины 90-х гг., так и остального населения, независимо от их деятельности. Продолжая мысль, отметим, что во многом это подтверждается марксистским пониманием социальной реальности, создаваемой в интересах определенных социальных групп, преследующих исключительно собственные цели. Хотя и ведущий критерий оценивания идеологии проявляется, по мнению В.А. Смирнова, лишь в адекватности интересам определенных социальных групп или сил, любое общество не может существовать как вне идеологии, так, как мы писали ранее, – и без нее [1].

Неоднозначным нам представляется мнение С.С. и С.И. Вележевых, допускающих наличие в обществе «идеологического вакуума», то есть того низшего идеологического состояния общества, которое наделено минимальной полезной активностью его участников и являющееся пустым только «в среднем» [2]. Мы полагаем, что только «абсолютная» пустота может являться тождеством пустоте «усредненной». Аналогично нашей выглядит позиция профессора А.И. Подберезкина, также указывающего на идеологический вакуум как на причину идеологического кризиса в современной России [3]. Резюмируя эти мнения, целесообразно, таким образом, говорить об «идеологическом безразличии», нежели вакууме.

А.В. Новиков отмечает, что «идеологического вакуума в обществе быть не может» [4]. По нашему мнению, это происходит хотя бы в связи с тем, что отказ от одной идеологии высвобождает место для другой, но государство, что логично, не может отказаться от целевого блока. Поскольку именно идеология по своей сути знаменует собой идейный фундамент обновления всех сфер общественной жизни и организует идеи по поводу политических, социально-экономических, социально-культурных и духовных преобразований, точнее сказать, задает ориентиры развития государства.

Помимо этого, именно идеология позволяет осуществлять оценку требований социальных групп, служа теоретической основой их целевых установок, интересов и мировоззрения. Следовательно, «деидеологизация», предпринятая во времена ельцинской России, на деле привела только к росту идеологических коллизий и попыткам развалить вновь образованное государство [5].

Высказанные нами аргументы позволяют удостовериться в авторской приверженности (ре)идеологизации, поскольку идеология принимается нами за основу, как детерминанту массового сознания и поведения и неотъемлемую часть политических процессов. В предыдущих работах мы указываем на усиление роли идеологии и констатируем ее вплетение во все сферы современной общественной жизни. Так, идеология, по нашему мнению, является как организующим ядром, так и идеальной сетью, воздействующей на политическую, социально-экономическую, социально-культурную и духовную сферы общественной жизни. Она обладает способностью устранять совокупность противоречий, фрагментирующих и разобщающих действительность, предоставляя, тем самым, «карту социальной реальности».

Доказательство очень простое: не имея системы определенных ценностей, лежащих в основе и сообщающих развитие, общество лишается консолидации и деградирует по всем сферам жизнедеятельности. Так, слепое перенесение не адаптированных под русский менталитет ценностей во многом подтверждает, что количество путей, ведущих общество как систему от порядка к беспорядку значительно больше, чем количество путей, ведущих ее от энтропии к порядку. Таким образом, неумение вычленять главное из получаемой информации, являющейся формой идеологического воздействия на индивидов и, наоборот, наделение смыслом внешне привлекательных, но в корне деструктивных идеологем, дезорганизует российское общество на уровне индивидов и групп. Именно отсюда закономерен рост нестабильности в сферах общественной жизни, сначала иницирующий, а затем и сопровождающий государственный кризис.

Общеизвестно, что идеология в качестве одной из своих функций преследует цель интегрировать членов общества, в котором она функционирует, особенно в переломные исторические моменты. Отправной точкой для осмысления проблемы (все еще) недостигнутой духовной консолидации является ельцинская Россия [6]. Именно в это время игнорируется самобытность и историческая преемственность, но декларируются попытки «пойти по европейскому пути», что окончательно заводит идентификационные попытки в тупик. Это проявлялось в том числе в создании собственной «демократии», обращении к прагматизму, идеализации рыночной экономики и денежных потоков, физическом и криминальном доминировании, даже «ностальгии по СССР», в общем – во всем, чем угодно, но не в своем пути.

Россия при Б.Н. Ельцине – это прямое свидетельство деградации всех сфер общественной жизни в целом, сложившейся вследствие официального конституционного запрета на государственную идеологию, иными словами – деидеологизации. Из проведенного анализа публикаций приведем несколько удручающих фактов и факторов деградации общества и снижения уровня качества жизни вследствие радикальных изме-

нений, осуществленных в ельцинской России: галопирующая инфляция (затем – гиперинфляция), рост безработицы после «шоковой терапии», приватизация, редукция агропромышленного комплекса, высокий уровень криминализации страны, дефолт, политический экстремизм с его войнами и терактами, недобросовестная электоральная конкуренция на президентских выборах 1996 г., увеличение теневых экономических субъектов, негативные демографические показатели ввиду эмиграции и смертности, резкое сокращение бюджетных поступлений, секвестр расходов на образование, науку, здравоохранение, культуру и пенсионное обеспечение, бум массовой культуры, резкий скачок количества проблем повседневного быта граждан (алкоголизм, наркомания, коррупция, проституция, беспризорность) [7, 8, 9, 10, 11, 12].

Учитывая взаимозависимость и взаимообусловленность результатов деградационных тенденций во всех сферах общественной жизни, смеем считать, что это повлекло собой генезис некоего извращенного аналога ортеговского «массового человека» [13] (серых масс) в российских реалиях того периода, удобного (удобных) для манипуляций в интересах уже отдельных людей. Массу вряд ли заботит проблема собственного самосознания, не говоря уже о его потребностях в государственной идеологии.

Возникает проблема, была ли идеология в ельцинской России? Наверняка приверженцы наличия идеологической документации, задающей вектор общественного развития, как то было в СССР, однозначно укажут на ее отсутствие. Мы же для ответа на этот вопрос предлагаем обратиться к Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г. (поскольку конституционное развитие тесно связано с идеологией общества), во второй статье которой написано, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Ранее нами уточнено, идеологии выделяются на основании «сочетания ценностей и идеалов с предлагаемыми способами реализации этих идеалов и ценностей». Отсюда мы делаем умозаключение, что статья 2 Конституции де-факто закрепляет либеральную идеологию в России, провозглашая высшей ценностью права и свободы человека. Поэтому логично сказать, что вместо ценностей социализма и коммунизма (достаточно необдуманно и быстро) происходит «создание» (копирование, перенос) ценностей либерализма, причем при должной политико-правовой поддержке.

Мы разделяем мнение, что такое «неявное» провозглашение либерализма как государственной идеологии в Конституции 1993 г. связано со сближением Ельцина с идеологическими ценностями США, воплощением которых являлся У. Клинтон (А.Н. Домрин пишет: «Перед Клинтоном и его командой стояла дилемма, от решения которой во многом зависело дальнейшее развитие не только российско-американских отношений, но и сугубо внутренних событий в России»), развернувший политику своей страны как прагматическую рецепцию либерально-демократического универсализма в условиях постбиполярного миропорядка [14]. В формулировке Ф.Г. Войтоловского это означает безальтернативную экономическую глобализацию с прибавлением новых демократий по всему миру (концепция «расширения демократии») для построения безопасного миропорядка [15].

Более детальному пониманию концепции «расширения демократии» конгруэнтны исследования уже упомянутого А.Н. Домрина, который высказывает мнение, что суть основных приоритетов внешней политики США можно свести к предоставлению помощи (как можно большей) демократическим кандидатам в России. Напомним, что часть 1 первой статьи Конституции РФ закрепляет положение о том, что Россия является демократическим государством.

Поддержка Вашингтоном псевдodemократических действий Ельцина и убеждения первого российского президента в «светлом и радужном глобализационном буду-

щем» обусловили фактическое копирование и утверждение основ идеологии победителя холодной войны без учета отечественной специфики. Это лишает, по мнению современного историка В.Э. Багдасаряна, российское государство претензий на какую-либо особую роль в современных международных отношениях. Поскольку в принятой Конституции, как результате прозападной (проамериканской) ориентации Б.Н. Ельцина, «нет даже указания на национальные интересы», но ее главным обозначенным ориентиром, пишет далее В.Э. Багдасарян, выступает международная интеграция (принадлежность к международному сообществу) [16]. Отказ от собственного проекта тождественен «непротиворечивости в отношении доминирующих в мире сил». Вполне созвучны здесь и выводы А.Н. Домрина по поводу администрации США и ее якобы «заинтересованности видеть Россию своим процветающим, уважаемым и демократическим «партнером», но «вашингтонский обком» был вполне удовлетворен превращением России в государство-клиента» [17].

Кроме этого, возможно, найдутся те, кто в определенной мере разделяет авторское мнение по этому вопросу. Именно здесь, по нашему мнению, как никогда проявилась сущностная характеристика идеологического сознания – наличие двойных стандартов. Демаркация на «своих и чужих» происходит в соответствии с принятием оппонентом некоторых базовых идеологических ценностей. Де-факто провозглашение либерализма, пусть и пережившего кризис либеральных ценностей, обращено на противостояние с коммунизмом.

Возникает противоречие. Статья 2 Конституции наводит на размышления о либерализме, так или иначе заставляя думающих людей обращаться к успешному опыту его внедрения. Это прежде всего США как победители в холодной войне с социализмом. По этому поводу автор с пессимизмом замечает отсутствие собственной консолидирующей идеологии, которая привела бы к консенсусу социальных групп и политической элиты в обозримом будущем. С другой стороны, статья 13 Конституции признает идеологическое многообразие («лоскутное одеяло»), затрудняющее все тот же процесс консолидации и ведущее к усилению поляризации поведения ввиду умножения идеологических ориентаций и экспектаций.

Парадоксально, но в общем и целом после обращения к двум интересующим нас статьям Конституции мы обнаруживаем два пути общественного бытия: полное отсутствие конкретных идей, направленных на создание будущего государства (как следствие – идеологического многообразия), или полное следование либерализму как некой утопии. Следует наметить два вопроса для будущих дискуссий: а не является ли отрицание идеологии некой нигилистической идеологией? Стерты ли грани добра и зла, поступков дозволенных, ограниченных правом и запрещенных им же (так созвучные постмодернистским тенденциям) в современном российском обществе?

Отсутствие идеологии, хотя бы в виде программ (не говоря о документальном ее оформлении), не дает возможности в полной мере провести самоидентификацию народа и построить модель организации российской государственности, которую невозможно мыслить без целей и задач различного срока реализации. Таким образом, наличие идеологического плюрализма исключает, по нашему мнению, возможность успешного государственного целеполагания и создания общенациональных и разделяемых большинством ценностей.

Обращение к либерализму, распространяемому США, выглядит достаточно спорным. Во-первых, либеральная идеология США предполагает невмешательство в их внутреннюю политику, но допускает вмешательство во внутреннюю политику других стран. Во-вторых, это связано с анализом опыта насаждения либерализма, как успеш-

ного (ФРГ, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), так и провального (Ирак, Сербия). В этом же пункте стоит лишь упомянуть революционные способы ненасильственной (ставить кавычки или нет – по индивидуальному усмотрению) смены власти Дж. Шарпа [18]. В-третьих, справедлив вопрос по поводу утраты внутренней идентификации российского общества, при котором будет происходить поверхностная либеральная ориентация без учета отечественной специфики и истории. В-четвертых, замечание касается самостоятельности либерализма от (взаимо)влияния с другими идеологическими учениями. Не является однозначным то, что либералы в Западной Европе – это либертарианцы, происходит разделение на правых и левых либералов, социал-либералов, неолибералов, вульгарных либералов. Это позволяет указать на плюрализм, наличествующий и в самой либеральной идеологии, являющийся, в том числе результатом провала классического либерализма в 60-е гг. XX в., связанного с невозможностью реализации заявленной модели общества.

Отсюда справедливо наше мнение, что насаждение либерализма (какой же все-таки из его ныне существующих форм, надеемся, что хотя бы не классического) в российской общественной жизни, как при Б.Н. Ельцине, так и в сегодняшних кризисных реалиях (причем неизвестно, в какой из двух периодов характеризуется более ярким и ускоренным их внедрением), и замещение ценностей собственных внешними выглядят не иначе как отложенная утопия с потенциально деструктивным конечным результатом.

История необратима, ее нельзя повернуть вспять и устранить причины наблюдаемого сегодня в российском обществе кризиса, отправной точкой которого служит тот порядок вещей, который мы наблюдаем в виде неразрешенных до сих пор проблем. С этими проблемами, несомненно, связаны настроения «идеологического безразличия», обусловленного минимизацией роли рядового населения как творца изменений в своем государстве. Попробуем сформулировать наиболее главные из них:

1. Наличие единственного государственного лидера и единой политической партии, осуществляющих властные практики, свидетельствующее о реальном отсутствии альтернативных политических акторов в контексте провозглашенной многопартийности. Отсутствие реальной межпартийной конкуренции задает эскейпистские электоральные настроения граждан. Это задает авторитарный вектор государственного развития. Вполне логично, что в условиях отсутствия выбора не все россияне идентифицируют свое будущее и способны вступать в диалог с государством [19].

2. Снижение числа активных коммуникативных актов на русском языке ввиду преобладания интернет-коммуникации, других языков, неологизмов, увеличения подвижности языка затрудняет процессы как самоидентификации граждан России, так и создания консолидированного коммуникативного пространства.

3. Агрессивность и пренебрежение не только к правам человека, но и элементарным нормам вежливости и человечности на межличностном уровне в повседневной жизни [7].

4. Постоянное увеличение числа бедных (по их собственной оценке) и живущих как в странах третьего мира по доходам на душу населения в динамике доходной стратификации [20] страны напрямую определяет уровень отношения индивидов к государству. Очевидно, что в своих оценках государства эти социальные группы в первую очередь обращают внимание на то, что власть не стремится к осуществлению своих прямых полномочий по улучшению качества жизни.

5. Маркерами низкого уровня качества жизни являются социально-экономическое неравенство, нисходящая социальная мобильность и ограниченная до-

ступность благ и рода занятий, определяющих собственно успех лишь некоторых социальных акторов (главным образом – это власть, бизнес).

6. Доминирование (особенно у молодежи) западных ценностей, воспринимаемых порой ошибочно, и, как следствие, нетерпимость по отношению к стереотипным представлениям и увеличение конфликтов (ввиду собственной противоречивости этих внешних ценностей) [21].

7. Межэтнические и межконфессиональные конфликты по поводу общественно-политических, социально-экономических и социально-культурных проблем [22] (рост социальной напряженности, политическая борьба, коррумпированность бюрократических структур, агрессия, направленная на культуру, ее традиции и обычаи, паралич власти, ущемление прав и свобод национальных меньшинств).

Из вышесказанного можно заключить, что закрепленный в Конституции РФ идеологический плюрализм, который, по нашему мнению, должен строиться на честном признании и взаимоуважении индивидов, имеющих разные отличительные особенности (сюда отнесем толерантное отношение к имеющемуся у людей многообразию ценностей, политических взглядов, профессий, увлечений, наций, культурных традиций и религиозных убеждений), не способен организовать и поддерживать гармоничный диалог между населением (принадлежащим нескольким социальным группам одновременно) и властью, как и не может способствовать достижению социальной сплоченности [23]. Таким образом, отсутствие конструктивных и решающих указанные проблемы идей более чем наглядно иллюстрирует результат идеологического плюрализма, позволяющее нам называть его «идеологическое безразличие».

Переходя к заключительной части статьи, стоит сделать акцент, что авторы ни в коем случае не призывают к осуществлению политики международного изоляционизма России (а-ля КНДР), которая представляется невозможной и ненужной в условиях современного общества. Ввиду усложнения коммуникационных процессов в современном обществе происходит буквально умножение числа людей, идентифицирующих себя, как было сказано выше, с несколькими социальными группами. Отсюда следует, что даже критическое отношение к идеологическому плюрализму в настоящей статье, согласно нашим суждениям, допускает его наличие на любом уровне, за исключением, разумеется, государственного, будь то партийные, религиозные, корпоративные идеологии. Основное требование, предъявляемое к такому допустимому идеологическому плюрализму – стройность вписывания в систему провозглашенных государством ценностей и ориентиров устремленности в будущее.

Обращаясь к мировой политике, очевидным представляется, что сегодня каждое эффективное государство имеет определенную систему приоритетных идей, выражающих ценности и определяющих последующее развитие. В свою очередь, документально оформленный идеологический плюрализм как минимум не способствует эволюционному общественному развитию. Ведь именно идеология задает социальным акторам ценностные ориентации, формирует их мировоззрение и поведенческие паттерны. Продолжая мысль, необходимо сказать и об интегративной роли идеологии. Легитимность и поддержка государственной власти обеспечивается через создание и дальнейшую трансляцию ими идей, находящих поддержку у собственного народа. Это, кроме всего прочего, приводит к усилению роли государственной власти, повышению уровня доверия к ней и, как следствие, достижению эффективности преобразований в тех или иных сферах общественной жизни за счет одобрения населением. Как резюме: идейная организация социума, разделяющего в большинстве своем задаваемые общие ценности, с нашей точки зрения, способна организовать вектор его развития в позитивное русло.

Как видим, модернизацию российского общества невозможно осуществить без идеологической основы, внятной и понятной большинству населения идеологии, потому что неартикулированные государством общие ценностно-значимые идеи будут пересмотрены и приняты населением как персональный ориентир для достижения целей под воздействием внешних идеологов. Модернизации не может и не должен быть свойственен неопределенный и вероятностный характер идей долгосрочного характера, сообщаемых населению, но, полагаем, следует научно и в достаточной мере обосновать и сообразовать с собственными возможностями. Предпочтительным представляется способность сохранения связи с традициями, соблюдение учета преемственности и определения ее будущей траектории. И все это, конечно, в сопряженности с успешным мировым опытом передовых стран и последними тенденциями международных отношений. Только осознав(ая) это, политическая элита привлечет элиту интеллектуальную и общественных активистов, наиболее способных и адекватно воспринимающих современные реалии. Именно это сотрудничество является, на наш взгляд, ключевым моментом для создания идеологических основ и будущего успеха модернизации страны.

Таким образом, в условиях многополярного мира и ввиду угроз потери национальной самобытности России необходимо осознать собственную траекторию развития, идею которой она представит не только внутри страны, но и на международной арене, где как никогда сильна глобальная конкуренция. Особенно в вопросах создания нового мирового порядка, участие в котором невозможно без мобилизации собственного населения, но это представляется возможным лишь в том случае, когда собственное общество посчитает привлекательной систему ценностей, содержащуюся именно в идеологии. Выходит, что создаваемая национальная идея должна иметь логическую выстроенность, четко продуманную аргументацию основных положений (идеологием) и способы их распространения, поскольку не стоит забывать, что эффективность идеологии напрямую связана именно с последующим укреплением в общественном сознании ее постулатов. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что идеологическое многообразие не отражает всей сути современной России. Процесс формирования идеологии в российском обществе не может быть окончательно завершен без осознания центральной идеи, которая бы органично сопровождала процесс модернизации государства в условиях появляющихся новых вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов В.А. Идеология как система: теоретический и инструментальный компоненты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – № 3. – С. 258–261.
2. Вележев С.С., Вележев С.И. Идеологический вакуум как средство дестабилизации государства // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 1 (30). – С. 154–156.
3. Алексей Подберезкин: Идеологический кризис в России – следствие идеологического вакуума, возникшего (точнее – искусственно созданного) в идеологии в 90-е годы // Институт гражданского общества и местного управления. URL: <http://www.c-society.ru/main.php?ID=643194> (дата обращения: 25.07.2017).
4. Новиков А.В. Государственно-патриотическая идеология: состояние, проблемы, поиск // Вестник Екатеринбургского института. – 2010. – № 4. – С. 3–9.
5. Вольтер О.В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 134–140.
6. Орлов Б.С. От ожидания к трезвому анализу: Россия и Европа в размышлениях западных исследователей в 90-е годы XX столетия // Актуальные проблемы Европы. – 2001. – № 4. – С. 19–41.
7. Антюхов Ю.В. Новые вызовы России 90-е годы XX века: от фашизма к экстремизму // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 11–15.

8. Демченко Т.А. Тенденции смертности в России 90-х годов. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/113/909/1217/015Demchenko.pdf> (дата обращения: 20.07.2017)
9. Ладыгина А.О. Трансформация теневой экономики в России в 90-е годы // NAUKA-RASTUDENT.RU. – 2014. – №. 4. URL: <http://nauka-rastudent.ru/4/1288/> (дата обращения: 27.07.2017).
10. Пальников М.С. Экономические и демографические последствия эмиграции из России – 90-е годы XX в. – начало XXI в. (обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2007. – № 2. – С. 15–76.
11. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: Российская газета, 2009. – 239 с.
12. Субхонбердиев А.Ш., Оразгулыева А.А., Саиян Т.С. Последствие «шоковой терапии» для экономики России в 90-е гг. // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2014. – Т. 2. – № 1 (6). – С. 408–412.
13. Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses. – NY.: W. W. Norton & Company, 1994. – 192 p.
14. Домрин А.Н. США и конституционный переворот 1993 года в России // Свободная мысль. – 2015. – № 2 (1650). – С. 41–54.
15. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007. – 464 с.
16. Багдасарян В.Э. Сравнительный конституционный анализ. Конституция РФ как конституция побежденного государства // Либеральная конституция России 1993 года: проблема смены. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 14–42.
17. Домрин А.Н. США и конституционный переворот 1993 года в России // Свободная мысль. – 2015. – № 3 (1651). – С. 31–46.
18. Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. – Boston: Porter Sargent, 1973. – 902 p.
19. Молодцев Д.В. Власть и общество в условиях кризиса политического плюрализма в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 5 (72). – С. 105–107.
20. Доходы падают, а место в обществе остается тем же. URL: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/dohody-padayut-mesto-v-obshchestve-ostaetsya-tem-zhe-0> (Дата обращения: 27.07.2017)
21. Москаленко М.Р. Военно-стратегические вызовы для России и системный кризис общества: что впереди? // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 1 (24). – С. 122–128.
22. Киреев Х.С. Межэтнические конфликты в России: истоки и решения // Власть. – 2007. – № 10. – С. 84–88.
23. Гирц К. Интерпретация культур. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

REFERENCES

1. Smirnov V.A. Ideologiya kak sistema: teoreticheskiy i instrumentalny komponenty [Ideology as a system: theoretical and instrumental components]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 2008, v. 14, no. 3, pp. 258–261.
2. Velezhev S.S., Velezhev S.I. Ideologicheskij vakuum kak sredstvo destabilizatsii gosudarstva [Ideological vacuum as a means of destabilizing the state]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2014, no. 1 (30), pp. 154–156.
3. Aleksey Podberezkin: Ideologicheskij krizis v Rossii – sledstvie ideologicheskogo vakuuma, vznikshogo (tochnee – iskusstvenno sozdannogo) v ideologii v 90-e gody [Alexei Podberezkin: The ideological crisis in Russia is a consequence of the ideological vacuum that arose (more precisely, artificially created) in ideology in the 90s.]. *Institut grazhdanskogo obshchestva i mestnogo samoupravleniya*. Available at: <http://www.c-society.ru/main.php?ID=643194> (accessed 25.07.2017).
4. Novikov A.V. Gosudarstvenno-patrioticheskaya ideologiya: sostoyanie, problemy, poisk [State-patriotic ideology: state, problems, search]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2010, no. 4, pp. 3–9.
5. Volter O.V. Fenomen ideologii v sovremennoy Rossii [The phenomenon of ideology in modern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 1, pp. 134–140.
6. Orlov B.S. Ot ozhidaniya k trezvomu analizu: Rossiya i Evropa v razmyshleniyakh zapadnykh issledovateley v 90-e gody XX stoletiya [From the expectation to sober analysis: Russia and Europe in the reflections of Western researchers in the 90s of the twentieth century]. *Aktualnye problemy Evropy*, 2001, no. 4, pp. 19–41.

7. Antyukhov Ju.V. Novye vyzovy Rossii 90-e gody XX veka: ot fashizma k ekstremizmu [New Challenges for Russia 90s of the 20th Century: From Fascism to Extremism]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i socialnye nauki*, 2015, no. 5, pp. 11–15.
8. Demchenko T.A. *Tendentsii smernosti v Rossii 90-kh godov* [Mortality trends in Russia in the 1990s.]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/113/909/1217/015Demchenko.pdf> (accessed 20.07.2017).
9. Ladygina A.O. Transformatsiya tenevoy ekonomiki v Rossii v 90-e gody [Transformation of the shadow economy in Russia in the 1990s]. *NAUKA-RASTUDENT.RU*, 2014, no. 4. Available at: <http://nauka-rastudent.ru/4/1288/> (accessed: 27.07.2017).
10. Palnikov M.S. Ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya emigratsii iz Rossii – 90-e gody XX v. – nachalo XXI v. (obzor) [Economic and demographic consequences of emigration from Russia – 90s of the 20th century. – the beginning of the XXI century. (overview)]. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii*, 2007, no. 2, pp. 15–76.
11. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost* [A world without Russia? What is the political short-sightedness leading to?]. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2009. 239 p.
12. Subkhonberdiev A.Sh., Orazgulyeva A.A., Saiyan T.S. *Posledstvie «shokovoy terapii» dlya ekonomiki Rossii v 90-e gg.* [The consequence of "shock therapy" for the Russian economy in the 90s.]. *Aktualnye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika*, 2014, v. 2, no. 1 (6), pp. 408–412.
13. Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*. NY.: W. W. Norton & Company, 1994. 192 p.
14. Domrin A.N. SShA i konstitutsionny perevorot 1993 goda v Rossii [US and the 1993 Constitutional Coup in Russia]. *Svobodnaya mysl*, 2015, no. 2 (1650), pp. 41–54.
15. Voytlovskiy F.G. Edinstvo i razobshchennost Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoy Evropy transformatsiy politicheskogo miroporyadka 1940–2000-e gg. [Unity and disunity of the West: ideological reflection in the consciousness of the elites of the US and Western Europe of the transformations of the political world order 1940–2000-ies.]. Moscow, Kraft+ Publ., 2007. 464 p.
16. Bagdasaryan V.E. Sravnitelny konstitutsionny analiz. Konstitutsiya RF kak konstitutsiya pobezhdennogo gosudarstva [Comparative constitutional analysis. The Constitution of the Russian Federation as the Constitution of the Defeated State]. *Liberalnaya konstitutsiya Rossii 1993 goda: problema smeny*. Moscow, 2014, pp. 14–42.
17. Domrin A.N. SShA i konstitutsionny perevorot 1993 goda v Rossii [US and the 1993 Constitutional Coup in Russia]. *Svobodnaya mysl*, 2015, no. 3 (1651), pp. 31–46.
18. Sharp G. *The Politics of Nonviolent Action*. Boston: Porter Sargent, 1973, 902 p.
19. Molodchev D.V. Vlast i obshchestvo v usloviyakh krizisa politicheskogo plyuralizma v Rossii [Power and Society in the Context of the Crisis of Political Pluralism in Russia]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2016, no. 5 (72), pp. 105–107.
20. *Dokhody padayut, a mesto v obshchestve ostaetsya tem zhe* [Revenues are falling, but the place in society remains the same]. Available at: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/dohody-padayut-mesto-v-obshchestve-ostaetsya-tem-zhe-0> (accessed 27.07.2017).
21. Moskalenko M.R. Voennno-strategicheskie vyzovy dlya Rossii i sistemny krizis obshchestva: chto vpered? [Military-strategic challenges for Russia and the systemic crisis of society: what lies ahead?]. *Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i servisa*, 2014, no. 1 (24), pp. 122–128.
22. Kireev Kh.S. Mezhetnicheskie konflikty v Rossii: istoki i resheniya [Interethnic Conflicts in Russia: Origins and Solutions]. *Vlast*, 2007, no. 10, pp. 84–88.
23. Girts K. *Interpretatsiya kultur* [Interpretation of cultures]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 560 c.

Дата поступления 21.08.2017 г.